

УДК 821.161.1

С.М. ЛЯПИНА,
*аспірант кафедри російської класическої літератури
і теоретического літературознавства
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
(Российская Федерация)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ И РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЗАГЛАВИИ РОМАНА Вс.С. СОЛОВЬЕВА «ЦАРЬ-ДЕВИЦА»

В статье рассматривается культурный аспект заглавия романа Вс.С. Соловьева «Царь-девица» и прослеживается генезис и эволюция образа Царь-девицы в русской литературе, восходящего к европейской и русской мифопоэтической традиции.

Ключевые слова: Вс. С. Соловьев, роман «Царь-девица», русский фольклор, образ Царь-девицы, царевна Софья, архетип.

В 1878 г. талантливый русский писатель Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903) в журнале «Нива» опубликовал роман «Царь-девица». В этом произведении автор изобразил ожесточенную борьбу за власть в конце XVII ст. между царевной Софьей Алексеевной Романовой и ее братом Петром, будущим российским императором.

Слово «Царь-девица» вынесено Вс.С. Соловьевым в заголовочный комплекс романа и является своеобразным ключом к пониманию центрального образа произведения – царевны Софьи. Традиции использования слова «царь-девица» писателями и художниками напрямую связаны с его семантикой. С точки зрения словообразования, слово «царь-девица» возникло путем сложения двух слов, двух мотивирующих основ. В подобной языковой ситуации отношения между этими основами по семантическому значению могут быть сочинительными и подчинительными. В данном случае отношения – подчинительные. Первый компонент этого сложения – слово «царь» отражает высшую оценку предмета, явления, названного опорным компонентом. В данном случае таким опорным компонентом является слово «девица». Т. е. это – самая главная, самая «большая» девица (подобные примеры: «царь-пушка», «царь-колокол» и др.).

Мы считаем, что в контексте романа Вс. Соловьева отношения между мотивирующими основами «царь» и «девица» не сочинительные и не подчинительные. Мы предлагаем новое семантическое значение – противительное: здесь сочетаются два несочетаемых по семантике (в данном контексте) слова: царь и девица. Девица не могла быть царем в Московском государстве по закону, престол наследовался только по мужской линии. Наблюдается определенная историческая и мифопоэтическая оппозиция: если опираться на конкретную историческую ситуацию, то девица не могла быть царем на Руси, а если – на фольклорную традицию (например, в русских сказках), то нахождение незамужней девушки на троне было вполне возможно.

Ранее нами было высказано предположение, что слово «царь-девица» для названия своего романа Вс. Соловьев заимствовал из работ историка И.Е. Забелина, который использовал его в прямом значении «молодой незамужней женщины на царствовании» [1]. Однако Царь-девица является также персонажем греческих, венгерских, немецких, итальян-

ских, болгарских, сербских, польских и русских сказок, которые входят в сюжетный тип текстов о молодильных яблоках. Она является героиней русской сказки об Иване-Царевиче и Царь-девице, а также сказок «Жар-птица и Царь-девица», «Луна и звезда», «Молодильные яблоки», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»^{*}.

Писатели и издатели фольклорных сборников М.Д. Чулков, М.И. Попов и ряд других авторов сделали первые шаги в области «литературного фольклоризма» – использования фольклора в литературных целях. Их творчество объективно обогащало «европеизированную» литературу послепетровской России ценностями русской культурной истории, с их самобытностью, особым национальным колоритом, системой мифопоэтических образов.

Как переходное явление от фольклорного бытования к литературному в начале XIX в. появляется несколько лубочных изданий сказки «О сильном, храбром и непобедимом богатыре Иване-Царевиче и прекрасной его супруге Царь-Девиче», подробно описанных в книге коллекционера и историка искусства Д.А. Ровинского [2].

Сказки, где героиней является Царь-девица, послужили источником сюжетов для многих литературных произведений. Писатели часто обращались к сказочному образу Царь-девицы, тем или иным образом интерпретируя его в своих произведениях^{**}. Мы ограничим рамки нашего исследования только произведениями русской литературы XIX ст.

Так, известный русский поэт Г.Р. Державин в начале XIX в. обратился к фольклорным источникам, обогащая ими поэтику классицизма. Это было время, когда неудачи во внешней политике России – Аустерлиц, Тильзит – вызвали огромный прилив патриотических настроений. Культурное сознание обратилось к поискам национальных ориентиров, способных консолидировать общество вокруг престола, и обнаружило их в прошлом – от древности до екатерининского времени.

Как и многие современники, Г.Р. Державин интересовался фольклором, известным ему непосредственно и в литературных обработках писателей – М.Д. Чулкова, М.И. Попова, В.Д. Левшина. Это отразилось на некоторых его произведениях позднего периода – стихотворении «Атаману и войску Донскому» (1807), «романс»-поэме «Царь-девица» (1812).

«Царь-девица» создавалась Державиным во время его работы над теоретическим исследованием «Рассуждения о лирической поэзии, или об оде». Некоторые исследователи считают, что произведение было задумано «как пример жанра стихотворной волшебной сказки» для этой статьи [3, с. 48]. В новом и необычном для поэта жанре получили своеобразное развитие мифопоэтические мотивы. Вместе с тем литературная сказка сохранила державинские принципы поэтического изображения окружающего мира и внутреннюю, органическую связь с его одами, сатирой, анакреотическими стихами.

В сказке Державина просматриваются характерные исторические и бытовые реалии, связанные с личностью императриц Екатерины II и Елизаветы Петровны, войной 1812 г.

...И Полканы всюду чудны
Дом стрegli ее и трон;
С колоколен самогудный
Слышался и ночью звон.
Терем был ее украшен
В солнцах, в месяцах, в звездах;
Отливались блесни с башен
Во осьми ее морях [4, с. 353].

По нашему мнению, в этой поэме Г.Р. Державин попытался дать своеобразный поэтический «урок царям»: образ Царь-девицы был нужен ему для разработки образа «идеального монарха».

^{*}Различные версии этой сказки напечатаны у А.Н. Афанасьева, В.А. Левшина, И.А. Худякова. См: Царь-девица // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. – М.: Наука, 1985. – С. 182–189; Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения / В.А. Левшин. – М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1780. – Ч. 1. – С. 187–248; Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки / И.А. Худяков. – СПб.: Тропа Троянова, 2001. – 477 с.

^{**} См., например, поэму-сказку М.И. Цветаевой «Царь-девица» (1922).

...Все поля ее златились
И шумели под серпом,
Тучные стада водились,
Горы капали сребром.
Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет
Все кричали с восхищенья,
Что ее мудрее нет [4, с. 355].

У Державина сохранились такие сказочные характеристики Царь-девицы, как «дева-богатырь» и «мудрая дева». Он добавил к образу портретное описание русской красавицы и ее человеческих качеств (ходит пешком, читает, пишет), а также черты идеального правителя, который заботится о народе. Таким образом, Державин дал развернутый портрет Царь-девицы, в котором соединил конкретно-историческое и фольклорно-сказочное. Однако этико-эстетическая функция державинского образа отличается от сказочного изображения Царь-девицы. По мнению В.И. Кодухова, у Державина – это всего лишь «прием описания романтической красавицы с опорой на фольклорные ассоциации для того, чтобы затем перейти к иносказанию» [5, с. 5].

Создавая «Царь-девицу» как иллюстрацию к собственному рассуждению о романсе, и не желая оставаться в стороне от национальных интересов, Г.Р. Державин пишет произведение, ставшее прообразом русской литературной стихотворной сказки на народнопоэтической основе.

В числе прочих художественных произведений, где встречается образ Царь-девицы, мы привлекли для нашего исследования произведение А.С. Пушкина «Сказку о золотом петушке» (1834). Большинство исследователей сошлись во мнении, что эта идея этой сказки была навеяна автору «Легендой об арабском звездочете» В. Ирвинга и «Историей о Золотом Петухе» Ф. Клингера.

Сюжет сказки широко известен: золотой петушок, подаренный звездочетом царю Дадону предупреждает его подданных о нападении врага или другой опасности. Но вместо вражеских войск сначала оба сына царя, а затем и сам Дадон находят в шатре красавицу шамаханскую царицу.

...Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи ...[6, с. 363].

Шамаханская царица появляется стараниями колдуна, играет роль приманки для царя и его сыновей, и как только звездочет умирает, она бесследно исчезает. Шамаханская царица и есть тот враг, о котором предупреждал золотой петушок: от нее погибают два сына Дадона, заколовшие друг друга во время пира, и оба их войска, от нее гибнет старый звездочет, требующий у Дадона исполнения его обещания, от нее гибнет и сам Дадон.

«Сказка о золотом петушке» по содержанию примыкает к существующим в народном творчестве шутливым сказкам, повестям, анекдотам на тему о том, что женская красота страшнее всякого врага. А.С. Пушкин заменил сложный, запутанный, отягощенный посторонними деталями ход повествования В. Ирвинга простой, четкой, художественно выразительной композицией, а условно литературные фантастические образы – образами из русской народной поэзии. В частности, в образе шамаханской царицы можно усмотреть некоторые черты сказочной Царь-девицы: красоту, обладание властью (она царица Шамаха), девичество, волшебную силу.

По своему представил образ Царь-девицы П.П. Ершов в известной стихотворной сказке «Конек-Горбунук» (1834, полностью – 1856). В.П. Аникин рассматривал творчество П.П. Ершова как реалистическое и считал, что «Конек-Горбунук» – отклик поэта на процесс формирования в литературе реалистической сказки [7, с. 76]. В ней можно найти и чер-

ты романтической поэмы: стихотворная форма, трёхчастная структура, эпиграфы к частям, лиро-эпический характер повествования, напряжённость сюжета, незаурядность событий и главных героев, экспрессивность стиля.

П.П. Ершов, рассказывая о необычной небесной семье – Царь-девице, её матери Месяце Месяцовиче и братце Солнце, ориентировался на мифологические представления сибирских народностей, сходные с китайской фольклорной традицией, где Солнце осмысливается как «ян» – мужское начало, а Луна – «инь» – женское [8].

Персонажи сказки «Конек-горбунок» сами читают сказку: один из царских слуг рассказывает товарищам об увлекательной книге, в которой есть сказка о Царь-девице. Это повествование, особенно описание красоты девушки, вызывает большой интерес слушателей:

...Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет... [9, с. 88].

Заметим одно важное обстоятельство: события, изложенные в читаемом персонажами произведении, воспринимаются ими как реальные, словно это не сказка, а документальное свидетельство. В судьбе главного героя Ивана это обстоятельство играет важную роль: ему поручено найти Царь-девицу и привезти ее к царю, что оказывается очень трудным предприятием:

Вот дорога к окияну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам [9, с. 91–92].

Следует обратить внимание на символизм данного описания: Царь-девица олицетворяет силы природы, в частности, день солнцестояния, который бывает два раза в год, весной и осенью. В контексте сюжета сказки мифопоэтическая символика образа Царь-девицы связана с божеством Света и стихией Огня. После похищения ее Иваном нарушился круговорот жизни, наступили перемены в природе: не светит месяц три дня и три ночи, Солнце во мгле. Согласно архаичным мифам, рождённые Солнцем дети помогают ему светить. Небесная семья есть царство мёртвых, христианский рай, куда живому путь заказан; попав в это царство, Иван обретает новый статус и невесту [10].

Портретное описание Царь-девицы дается через восприятие главного героя:

«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, –
Рассуждает стремянной, –
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму» [9, с. 93].

Таким образом, П.П. Ершов дает подробное описание Царь-девицы (нельзя сказать «русской красавицы» – она из далеких «немских» стран), представляя два взгляда на женскую красоту – сказочный (романтический) и реалистический (народный). В восприятии

Ивана, крестьянского сына, воплощается второе, реалистическое, народное представление о женской красоте, которое он высказывает путем отрицания того, что видит.

В 1837 г. писатель, педагог, музыковед *В. Ф. Одоевский* создал пьесу «Царь-Деввица». В этой трагедии для театра марионеток Одоевский переосмысливал образы русской народной сказки об Иване и Царь-девице, взятые, вероятно, из сборника М.Д. Чулкова.

Сюжет пьесы заключается в том, что в день рождения красавицы Царь-девицы в её дворец на берегу моря прибыли китайский император, греческий царь Одиссей, странствующий рыцарь Бириби и многие другие литературные герои. В.Ф. Одоевский пытался показать детям могущество человеческого разума, победившего с помощью книгопечатания, пороха и паровых машин законы материальной природы.

Являясь первой из опубликованных в России пьес для театра кукол, она была задумана Одоевским как пьеса-загадка для детей. В ремарке к произведению сам автор признавался, что он умышленно перепутал персонажей, эпохи, в которых они существуют, костюмы героев. В веселом музыкальном спектакле зрителям было предоставлено удовольствие не просто «лицезреть» историю, приключившуюся с Царь-девицей, но принять участие в действии кукольного «маскарада» и разгадать все кукольные ребусы.

Со временем образ Царь-девицы в русской литературной традиции становится устойчивым, о чем свидетельствуют и другие произведения, где она является главной героиней: поэма «Царь-девица» (1835) *Н.Я. Прокоповича*, прозаический пересказ сказки, созданный *Н.А. Полевым*, пьеса *П.Д. Голохвастова* [11]. Устойчивый образ Царь-девицы в русской литературе XIX в. приобретает, по нашему мнению, признаки архетипа.

Любопытные факты дает нам рассмотрение творчества *Я.П. Полонского*. Свое позднее стихотворение балладного жанра поэт назвал «Царь-девица» (1876). В нем изображается сказочная, волшебная дева, увлекшая поэта своей красотой.

...На челе сияло солнце,
Месяц прятался в косе,
По косицам рдели звезды, –
Бог сиял в ее красе [12, с. 201].

В этом стихотворении, с одной стороны, звучат пушкинские интонации, а с другой – предвосхищение мотивов А.А. Блока и символистов.

...Но едва-едва успел я
Блеск лица ее поймать,
Ускользая, гостя ко лбу
Мне прижгла свою печать.
С той поры ее печати
Мне ничем уже не смыть,
Вечно юной царь-девице
Я не в силах изменить... [12, с. 203].

Брат Всеволода Соловьева, философ Владимир Соловьев, выразил свое мнение о произведении Я.П. Полонского в эссе, напечатанном в журнале «Нива». Владимир Соловьев увидел в Царь-девице Полонского символ, родственный символам Вечной Женственности, Мировой Души: «Счастлив поэт, который не потерял веры в женственную Тень Божества, не изменил вечно юной Царь-девице: и она ему не изменит и сохранит юность сердца и в ранние, и в поздние годы» [13, с. 157].

Итак, мы рассмотрели культурный аспект заглавия романа и проследили генезис и эволюцию образа «царь-девицы» в русской литературе, который восходит к европейской и русской мифопоэтической традиции. Мы увидели, что мифопоэтический образ Царь-девицы привлекал внимание многих русских писателей и поэтов. Каждый из них своеобразно интерпретировал этот образ, внося в его культурный контекст дополнительные смыслы, обогащая его новыми значениями. У одних авторов этот образ служил иллюстративным материалом к теоретическим исследованиям (Г.Р. Державин), другие через этот образ в рамках эстетической системы романтической поэтики пытались усилить фантастическое, иррациональное звучание своих произведений (А.С. Пушкин использовал этот об-

раз в качестве художественной аллегии, шамаханская царица олицетворяет собой образ губительной женской красоты), третьи видели в образе царь-девицы символические черты Вечной Женственности и Юности (Я.П. Полонский).

Вс. Соловьев в историческом романе «Царь-девица» продолжил традицию использования сказочных черт образа Царь-девицы в своем произведении. Особенно ярко фольклорные мотивы в романе проявились в образе одного из главных персонажей – царевны Софьи, в которой воплотился мифопоэтический образ Царь-девицы. Для одной из героинь романа, бедной сиротки Любы Кадашевой, далекая царевна представляется сказочной Царь-девицей, со всеми свойственными ей чертами – добротой, могуществом, чудесной внешностью.

Можно выявить определенные соответствия в сказочном портрете Царь-девицы и в облике царевны Софьи в произведении Вс. Соловьева. В сказках Царь-девица никогда не описывается подробно, в основном упоминаются ее золотые или серебряные волосы, что является отголоском культа и мифологии Солнца (например, Настасья Золотая Коса, Златовласка (у чехов), Золотой Волос (у башкир)). Некоторые характеристики внешнего облика Царь-девицы содержатся в ее имени: эпитеты «красная» и «прекрасная», сопровождающие его и указывающие на красоту героини, являются скорее спецификой сказочного портрета. Нередко Царь-девица изображается огромной и тяжелой: если она ступает по мосту, то мост гнется. Подобная черта характерна для эпических героев-великанов. Соответственно своей величине героиня наделяется непомерной физической силой.

В романе Софья предстает перед нами как необыкновенная красавица, особенно, когда мы видим ее глазами Любы Кадашевой. Софья изображается писателем настоящей русской Женщиной – статной, с роскошными волосами и удивительными глазами. «Люба... очутилась прямо лицом к лицу с прекрасной молодой женщиной, одетой в бархатную душегрейку... Густые, белокурые волосы этой женщины были перевиты крупным жемчугом, глубокие, темно-синие глаза с любопытством и участием остановились на лице Любы...» [14, с. 280].

Очевидно, что описание царевны Софьи у Вс. Соловьева перекликается со сказочным портретом Царь-девицы: у нее белокурые волосы (в сказке – «золотые»), синие глаза как у девки Синеглазки, она необыкновенно красива, даже ее некоторая полнота совпадает со сказочной тяжеловесностью, что отражает не неуклюжесть, а мощь и силу.

Личностные качества царевны Софьи, сила ее характера, смелость, независимость также находят соответствие в сказочном образе. В образе царевны мы узнаем независимую женщину, властную правительницу государства. В сказке царевна, к которой стремится герой, фигурирует часто как «богатырь-девка», воинственная дева, полновластная повелительница своего царства.

Сказочная Царь-девица почти всегда находится далеко, в «тридцатом царстве», в своеобразной изоляции. В начале романа в представлении деревенской девушки Любы царевна Софья живет в волшебном тереме в далекой, сказочной Москве. Дорога к ней полна опасностей и требует нарушения целого ряда запретов. Традиционная русская сказка также связана с различными видами запретов: запрет света, взгляда, пищи, соприкосновения с землей, общения с людьми и др.

Царь-девица в сказке – жена-воительница, по сути, выполняющая мужские функции. Ее поведение не соответствует поведению женщины и жены с точки зрения православной традиции: она правит государством, сражается на войне. По сути, она нарушает установленную Богом иерархию отношений (как и остальные типы непокорных жен) – не подчиняется мужу, занимая его место. Такое же нарушение традиций и норм мы можем отметить в поведении царевны Софьи в романе: она не смиряется с долей теремной затворницы, всеми силами стремится к власти, проявляет мужские черты характера, т. е. ведет себя в несоответствии с гендерной ролью.

В сказочной реальности Царь-девица выступает в роли разностороннего инструмента познания таинств жизни, в том числе в области любовных отношений. Этой функции соответствуют такие ее характеристики, как священность, женская природа, красота, вечная девственность [15, с. 390]. Именно такой предстает царевна Софья в глазах Любы в первых

главах романа. Служа царевне, сирота Люба Кадашева находит и свою любовь в лице стрелецкого полковника Николая Малыгина.

Русский мыслитель *Е.Н. Трубецкой* в работе «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» рассматривал отражение христианских идей в русских народных сказках и, в частности, в женских сказочных образах. Сочетание в одном сказочном образе мудрости, красоты и власти над окружающими, как в случае с Царь-девицей, по мнению Трубецкого, напоминает лик Софии-Премудрости Божьей. «Во всяком случае, в лице Василисы Премудрой, Мудрой жены и Ненаглядной Красоты воплотились те искания человеческой души, которые в образе Софии находят себе высшее, полное удовлетворение» [16].

Исходя из этого высказывания, можно сделать интересные выводы о соотношении образа царевны Софьи в романе Вс. Соловьева с образом сказочной Царь-девицы, которая, в свою очередь, соотносится у Трубецкого с образом Софии-Премудрости Божьей. Христианский образ св. Софии – Премудрости Божьей и сказочный образ Царь-девицы, в котором соединились черты «мудрой девы» и девы-воительницы (в свою очередь, испытывавшем влияние христианского образа Софии), соединился в произведении Вс. Соловьева в сложный и неоднозначный образ царевны Софьи.

По нашему мнению, обращение Вс. Соловьева к фольклорным мотивам в романе, в частности к волшебной сказке и образу Царь-девицы, обусловлено стремлением писателя показать иррациональный дух допетровской Руси. Используя сказочные мотивы, писатель, вероятно, хотел показать, что для народа в то время женщина, находящаяся у власти, являлась иррациональной, «сказочной» фигурой. В сознании народа не укладывалось то, что царем стала женщина, это являлось неким чудом, волшебной сказкой.

Кроме того, фольклорные мотивы романа «Царь-девица» явились продолжением традиций русского романтизма. В произведении Вс. Соловьева мы видим сохранение и продолжение этих традиций. Романтический элемент органично входит в идейно-художественную систему Вс.С. Соловьева как результат мироощущения писателя, как следствие особенностей его мировоззрения и эстетического идеала.

Нами были выявлены и показаны далеко не все авторские трактовки образа Царь-девицы в русской словесности. Однако представленный материал является достаточным для выводов о том, что образ Царь-девицы в русской литературной традиции XIX в., с одной стороны, становится устойчивым и приобретает признаки архетипа, а с другой – решает ряд важных проблем, связанных с ролью личности в истории, отношении общества к проблеме «женщина и власть».

Список использованной литературы

1. Ляпина С.М. Влияние трудов И.Е. Забелина на образ царевны Софьи в романе Вс. Соловьева «Царь-девица» / С.М. Ляпина // Вопросы языка и литературоведения в современных исследованиях: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.; Ярославль: РЕМДЕР, 2011. – С. 535–539.
2. Ровинский Д.А. Русские народные картинки / Д.А. Ровинский. – СПб.: Тип. Акад наук, 1881. – Т. I. – С. 123–133.
3. Щекотов Ю.Д. Сказка «Царь-девица» Г.Р. Державина в контексте его «Рассуждений о лирической поэзии, или об оде» / Ю.Д. Щекотов // Творчество Г.Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: материалы Юбилейной Международной научной конференции. – Тамбов: Изд-во Тамбовского пед. ин-та, 1993. – С. 45–56.
4. Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений / Г.Р. Державин. – Л.: Советский писатель, 1957. – 472 с.
5. Кодухов В.И. Царь-девица у Державина и Ершова / В.И. Кодухов // Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Тамбов: Изд-во Тамбовского пед. ин-та, 1991. – С. 5–12.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836 / А.С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977–1979. – 1977. – 495 с.
7. Аникин В.П. Русская народная сказка / В.П. Аникин. – М.: Просвещение, 1977. – 430 с.

8. Пётр Павлович Ершов – писатель и педагог: тезисы докладов и сообщений. – Ишим: Изд-во ИГПИ, 1989. – С. 28–29.
9. Ершов П.П. Конек-горбунок. Стихотворения / П.П. Ершов. – Л.: Советский писатель, 1976. – 366 с.
10. Калинина М.Ф. «Иное царство» и его «искатель» Иванушка Петрович в сказке «Конек-горбунок» П.П. Ершова / М.Ф. Калинина // Литература в школе. – 2005. – № 11. – С. 14–18.
11. Полевой Н.А. Прозаический пересказ сказки «Царь-девица» / Н.А. Полевой. – М., 1838; Голохвастов П.Д. Алеша Попович, драматическое сочинение / П.Д. Голохвастов. – М., 1869.
12. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений / Я.П. Полонский. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. – Т. 2. – 374 с.
13. Соловьев В.С. Поэзия Я.П. Полонского / В.С. Соловьев // Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С. 155–177.
14. Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Княжна Острожская; Царь-девица: Исторические романы / В.С. Соловьев. – М.: Терра-Книжный клуб, 2009. – 496 с.
15. Русская мифология. Энциклопедия / сост. Е.Л. Мадлевская и др. – М.: ЭКСМО, 2008. – 753 с.
16. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» / Е.Н. Трубецкой // Литературная учеба. – 1990 – № 2 . – С. 100–118.

У статті розглядається культурний аспект заголовка роману В.С. Соловйова «Царь-девица» та простежується генеза й еволюція образу Цар-дівчини в російській літературі, що сягає європейської та російської міфопоетичної традиції.

Ключові слова: В.С. Соловйов, роман «Царь-девица», російський фольклор, образ Цар-дівчини, царівна Соф'я, архетип.

In article the cultural aspect of the title of the novel of Vs.S. Solovjov «Tsar-maiden» also is traced genesis and evolution of an image Tsar-maiden in the Russian literature, going back to the European and Russian folklore tradition.

Key words: Vs. S. Solovjov, novel «Tsar-maiden», Russian folklore, image Tsar-maiden, Princess Sofia, archetype.

Одержано 21.01.2013.